

ТЕРМИН $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ И ПОНЯТИЕ «РАБ» В АФИНАХ

IV в. до н. э.

Настоящая работа представляет собой часть исследования о терминологии, обозначающей рабов, в группе литературных источников IV в. до н. э. В данном исследовании термины рассматриваются не сами по себе, в лексикографическом порядке, а с целью раскрыть во всей его многогранности понятие «раб» у афинских рабовладельцев определенного периода, и тем самым углубить наше представление о рабовладельческих отношениях, породивших это понятие.

Главными объектами исследования являлись речи демосфеновского корпуса¹, в особенности частносудебные речи (XXVII — LIX). Избранному материалу придает менее ограниченный характер тот факт, замеченный уже древними, что «демосфеновский» корпус в действительности представляет собой сборник произведений различных авторов². Это сравнительно компактный свод материалов,

¹ В качестве основного текста было принято издание S. H. Butcher и W. Rennie (Oxf., 1903—1931) в серии «Script. class. bibl. Oxon.» «Главными объектами» говорится в том смысле, что только в отношении демосфеновского материала я претендую на полный охват терминологии.

² Из 61 речи, дошедшей до нас под именем Демосфена, в лучшем случае около 20-и, а по мнению некоторых ученых, даже 27 (или почти половина) должны быть приписаны другим авторам. См. С. И. Соболевский в «Истории греческой литературы», т. II, М. 1955, стр. 285 сл.; С. И. Радциг, Демо-

как с точки зрения их хронологического охвата, так и в отношении бытового и делового характера их содержания. Последнее дало известную гарантию типичности терминологического диапазона и обыденности терминов. Хронологические же рамки материала (369 — ок. 326 г. до н. э.) совпадают с моментом наивысшего развития рабовладельческой экономики афинского полиса, с кауном превращения Афин в относительное захолустье при новом распределении экономических сил в эллинистическом мире.

Непосредственным стимулом к данному исследованию послужили недавно опубликованные работы Я. А. Ленцмана в этой области, прежде всего его первая, обзорная статья¹, в которой, среди прочих, выдвигается в дискуссионном порядке ряд выводов относительно значения обозначающих рабов терминов, наиболее часто встречающихся в классическое время, *δοῦλος*, *οἰκέτης*, *ἀνδράποδον*, *θεράπων*, *-αινα*. В этой статье Я. А. Ленцман попытался установить групповые значения для указанных терминов, за исключением слова *δοῦλος*, которое он, повидимому, признает в целом за общий термин для обозначения «раба как такового»². Суть предложенных Я. А. Ленцманом групповых определений для остальных терминов такая: *οἰκέτης* и *θεράπων*, *-αινα* в классическое время обозначали домашних рабов — слуг, обслуживавших личные потребности хозяев³; термин *ἀνδράποδον*, начиная с конца V в. до н. э., обозначал рабов, занятых в ремесле или же в горном деле, — *instrumenta vocalia*⁴.

Нет необходимости останавливаться на громадном преимуществе, которое представило бы историку твердое установление столь четких определений. Однако детальное исследование этих терминов в полном контексте их применения в литературных источниках, относящихся к развитому классическому периоду, показывает, что как *δοῦλος*, так и *οἰκέτης*, *ἀνδράποδον*, а также, возможно, и *θεράπων*, *-αινα*⁵ употреблялись применительно к рабам любого типа занятия, т. е. эти термины были общими, а не групповыми. Но тогда чем объяснить одновременное хождение хотя бы трех общих терминов?

Главная задача исследования состояла в решении именно этого вопроса. Изучение употребления слов *δοῦλος*, *οἰκέτης* и *ἀνδράποδον* привело к выводу, что в общем и целом они выражали разные способы восприятия рабовладельцами явления «раб»,

сфен, Речи, М. 1954, стр. 451; Н. Т. Rose, A Handbook of Greek Literature, 3-е изд., L., 1948, стр. 288—290; W. Chust—W. Schmid, Geschichte der griechischen Literatur, 6 изд., München, 1912, т. I, стр. 600 слл.

¹ Я. А. Ленцман, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 47—69.

² Я. А. Ленцман, ук. соч., стр. 62. Но в некоторых местах автор как будто связывает и этот термин с той или иной группой или слоем рабского населения. См., напр. стр. 55—56 (в связи с Thuc., III, 73); стр. 63 (в связи с OGIS, 218); стр. 67 (в связи с Xen., Vect., IV, 17). Его понимание самого понятия «раб как таковой» будет обсуждено ниже.

³ Там же, стр. 57.

⁴ Там же, стр. 56, 62, 65, 66 сл. Есть у автора также интересные намеки на более широкое понимание термина *ἀνδράποδον* (напр., стр. 66—«часть имущества»). Но в основном Я. А. Ленцман, очевидно, считает, что в IV в. это слово обозначало рабов, занятых в производстве. Свидетельство этому содержится в ряде мест, например в утверждении, что *ἀνδράποδον* «в последующее время (имеется в виду период после окончания Пелопонесской войны.—Э. К.) употребляется исключительно в смысле «instrumentum vocale».

⁵ Речи Демосфена дают недостаточно материала для полного анализа значения этого термина — всего 23 случая его применения, причем в 21 из них термин употребляется в женском роде — *θεράπωναινα*. Цифры применения других указанных терминов такие: *δοῦλος* — 58 случаев его применения в обозначении рабов (47 случаев его применения в переносном смысле, т. е. всего 105 случаев); *οἰκέτης* — 53, *ἀνδράποδον* — 49.

восприятия его, так сказать, с разных углов зрения. Иными словами, многообразно терминологии соответствовала многосторонность самого понятия «раб». Далее, в уловленных оттенках различия в значении терминов, в сложности стратификации понятия «раб» можно было узнать следы пройденных этапов эволюции рабовладения как формы собственности.

«*Раб как таковой*». В настоящей статье для отдельной трактовки выделяется первый из вышеупомянутых общих терминов — $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$. Для раскрытия различных слоев в содержании общего понятия «раб» слово $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ представляет удобный отправной пункт. Оно не только встречается чаще всех остальных терминов, обозначающих рабов, и чаще всех находится в антитезе со словом $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\varsigma$ («свободный»)¹, но и очень часто имеет политехническое, юридически определяющее применение, указывая прежде всего на социальное положение данного раба. Эта «определяющая» функция слова $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$, позволяя использовать его в качестве путеводителя, придает ему ключевое значение при прослеживании того, какие конкретные черты входили в понятие «раб» у афинянина IV века до н. э. Но прежде чем перейти к анализу употребления $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ в наших текстах, остановимся на трактовке Ленцманом понятия «раб как таковой», которое он связывает с этим термином.

Согласно Я. А. Ленцману, $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ «определяет раба, как такового, раба в широком смысле слова...»² в отличие от слова $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\delta\omicron\nu$, которое обозначает «рабов античного типа», прежде всего рабов, занятых в ремесле. В основное значение слова $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ он включает, повидимому, и все переносные оттенки понятия «раб», от политического вплоть до чисто морального подчинения³. Но если принять это весьма широкое понимание «раба как такового», а вместе с ним и другое положение Я. А. Ленцмана, что слово $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ являлось в классический период единственным термином, выражавшим данное понятие, то получается, с одной стороны, что у греков не было термина для обозначения той категории лиц, которые находились в определенном социально-экономическом положении, четко охарактери-

¹ Слово $\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ также встречается в антитезе с $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\varsigma$, но, насколько мне известно, сравнительно редко. См., напр., *Hyperid.*, с. *Athenog.*, 16; *Plato*, *Leg.* 848a (ср. $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ — $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\varsigma$ в 849); *Dem.*, XVIII, 258. Вообще эти два термина очень близки друг к другу по значению; иногда они фактически без различия чередуются друг с другом применительно к одним и тем же лицам или же к рабскому населению в целом. Взаимные семантические отношения терминов $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ и $\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ будут рассматриваться подробно в другой части исследования, при отдельном изучении последнего слова. Здесь можно только указать на одно существенное различие между ними, а именно то, что в IV в. до н. э., насколько это мне пока известно, термин $\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ не употреблялся в том юридически определяющем смысле, который столь характерен для $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$.

² Я. А. Ленцман, *ук. соч.*, стр. 62. Приведенное место продолжается: «...в первую очередь раба патриархального типа». Что автор имеет в виду под этим определенным $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$, остается мне непонятным.

³ Там же, стр. 57 сл. В поддержку своего широкого понимания основного значения термина $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ автор отмечает, что он применяется также и к илотам. Во-первых, надо указать, что к илотам также применялся тот термин, который Я. А. Ленцман относит к категории домашних слуг, а именно $\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ (см. *Isocr.*, V, 49; VI, 88, 96). Во-вторых, следует иметь в виду, что хотя в положении илотов, пенестов и т. п. и рабов в более развитых полисах была существенная разница, первые все-таки достаточно четко отличались по своему положению от свободного населения. Применение к ним общих терминов, обозначающих рабов развитого античного рабовладельческого общества, объясняется, на мой взгляд, скорее известным чувством «деспотической» солидарности у рабовладельцев, нежели тем, что в основное значение этих терминов входили всякого рода переносные оттенки понятия «раб».

зованном в словах Аристотеля: ὁ δοῦλος κτήματι τι ἐπιψυχόν «раб — это некий одушевленный предмет собственности»¹, а с другой стороны, что греки имели уже специальный термин для обозначения раба, занятого в производстве. Тут, на мой взгляд, Я. А. Ленцман впадает в двойное заблуждение. Во-первых, он недооценивает то большое место, которое занимало в сознании древних греков разделение общества между свободными и рабами, и, во-вторых, он переоценивает классовое самосознание рабовладельцев данного периода, считая, что они имели специфический термин для обозначения той части рабского населения, которую современный историк может выделять как рабов античного типа, имея в виду под этой рубрикой основной класс при античном способе производства.

Никто, разумеется, кто знаком с научной работой Я. А. Ленцмана, не станет всерьез обвинять его в сознательной «модернизации» античной социальной мысли. Суть дела состоит скорее в филологическом плане, а именно в том, что Я. А. Ленцман недостаточно четко отличает применение термина δοῦλος в переносном смысле от его основного значения. Отсюда, как мне кажется, возникает у него такая слишком расширенная концепция понятия «раб», при которой стирается грань, — реально существовавшая и даже очень живо дававшая себя чувствовать в идеологии древних, — между рабами всех категорий по видам занятий, с одной стороны, и, с другой стороны свободными, без учета всех возможных политических или же моральных ограничений. На самом же деле в тех многих случаях, когда в обозначении политических и других фигуральных видов «рабства» применялся термин δοῦλος (или же производные от него слова), его назначение совершенно ясно: показать, что положение обозначенных этим термином лиц аналогично положению рабов — самому низкому и бесправному общественному положению².

Можно добавить, что тот самый факт, что из общих терминов, обозначающих рабов, один δοῦλος имеет широкое применение в переносном смысле к юридически свободным лицам, лишь подчеркивает, что это и есть главный термин для обозначения именно рабского положения, в прямом смысле — положения человека, который является предметом собственности.

«Определяющий» термин. Применение δοῦλος в качестве определяющего термина, указывающего прежде всего на рабское положение, может рассматриваться в двух аспектах; в отношении к отдельным лицам и применительно к рабскому населению в целом. В первом случае типичным для наших текстов является его употребление в аргументах, связанных с доказательством юридического положения обозначенных этим термином лиц. Оспариваемым вопросом могут являться законность претензий о гражданстве (напр., Dem., LVII, LIX; ср. Lys., XXIII), допустимость допроса данного человека под пыткой (напр. Dem., XXIX, XLIX) и т. д. В таких случаях человек, чье положение рассматривалось, в других местах той же речи мог быть назван иным

¹ Arist., Pol. I, 4, 2, 1253b. См. его дальнейшее определение посредством genitivus possessivus: «По природе [тот раб, кто способен принадлежать другому] (ὁ δουλιμενος ἄλλου εἶναι) — Pol. I, 5, 9, 1254b; ср. Dem., XXVI, 28, 29, 46; LIX, 23, 108.

² Платон часто смешивает прямое и политическое значение δοῦλος и производных от него слов в применении к тем членам идеального полиса (т. е. к огромному большинству населения), которые «естественно», по его мнению, не способны к самоуправлению. Однако, как указал один современный исследователь Платона, «нет ни малейшего указания на то..., что Платон хочет стереть это различие», т. е. различие между рабами и свободными. См. G. Vlastos, Slavery in Plato's Thought, «Philosophical Review», т. L (1941), № 3 (май), стр. 293; ср. G. R. Morrow, Plato's Law of Slavery in Its Relation to Greek Law, Urbana, Ill., 1939, стр. 134 сл.; 35: «Во многих... случаях черты, определяемые словом δουλεία, приписываются людям, свободным перед законом, тем не менее очевидно то, что их считают особенно характерными для рабов в юридическом смысле слова».

термином, обозначающим раба¹, но там, где речь идет о его положении как таковом, применяется термин *δοῦλος*, и чаще всего в антитезе со словом *ἐλεύθερος*.

Менее типичным и относительно редко встречающимся в наших документах (всего три случая) является применение *δοῦλος* к отдельным рабам в контекстах, где нет другого прямого указания на социальное положение данных лиц. Например, в речи «Против Неэры» утверждается, что Стефан выдвинул против Аполлодора ложное обвинение в убийстве, предложив в качестве свидетелей «рабов (*ἀνθρώπους δοῦλους*), выдав их за киренцев» (LIX, 9; ср. XX, 131). Логика этого предполагаемого обмана, повидимому, такая: если бы Стефан назвал предложенных им людей *δοῦλοι*, каковыми они в действительности являлись, а не выдал бы их за киренцев (т. е. свободных иностранцев), Аполлотор потребовал бы, чтобы он передал их для допроса под пытками, — и обвинение в убийстве сразу провалилось бы. Употребив «определяющий» термин, выступающий, очевидно, стремился навести слушателей на эту мысль².

В применении к рабскому населению в целом, т. е. в его классификационном или видовом употреблении, термин *δοῦλος* прежде всего встречается в законах, договорах и тому подобных документальных контекстах. В качестве примеров можно процитировать договор между греческими полисами и Македонией, приведенный как будто в Dem., XVII, 15; закон, запрещающий оскорбление личности (*ἄβρις*), перефразируемый Демосфеном в XXI, 46; а потом приведенный им в § 47³; закон, дающий иностранцам и рабьям право входа в священные места города (LIX, 85) и т. п.⁴

В своих несколько скупых замечаниях о древнегреческой терминологии, обозначающей рабов, У. Л. Уэстерманн упоминает об употреблении термина *δοῦλος* в юридических текстах, но в дальнейшем он фактически ставит знак равенства между *δοῦλος* и *ἀνδράποδον* в этом отношении, характеризуя последний термин как «юридически ясный и допустимый»⁵ и не проводя никакого различия между типами юриди-

¹ См., напр., Dem., XXIX, 14 (*δοῦλος*) — ср. § 55 (*οἰκέτης*); XLIX, 55—57 (*δοῦλος — ἀκλουθος — οἰκέτης*).

² В остальных двух примерах (XLV, 35 и 76; LV, 31) *δοῦλος* чередуется с *οἰκέτης* в применении к одному и тому же рабу. В обоих случаях мне представляется возможным уловить в употреблении *δοῦλος* оттенок «определяющего» назначения, характерного для этого термина. Однако рассмотрение этих мест придется отложить до отдельного исследования термина *οἰκέτης*.

³ Сравнение текста закона, как он воспроизведен у Dem., XXI, 47, с тем, как пересказано его содержание Эсхином (I, 15 и ср. § 17: *τοῦτο τὸ ῥήμα, τὸ τῶν δοῦλων*), говорит в пользу подлинности текста этого закона, дошедшего до нас в рукописях Демосфена (в изд. OCT Ренни и обращается с ним как с подлинным). Зато текст закона, данный Aesch., I, 16, противоречит не в одном отношении комментариям Эсхила к закону и является, вероятно, более поздней вставкой в рукопись (Бласс заключает его в квадратные скобки — см. изд. Teubner, Leipzig, 1896). Таким образом, встречающиеся в Aesch., I, 16 слова *οἰκετικά τέματα* не следует брать в качестве примера терминологии для обозначения рабов в классический период (см. Я. А. Ленцман, ук. соч., стр. 61).

⁴ Ср. Antiph., V, 48; Plato, Leg., 868a—c, 872a—c, 879a et alibi. Однако в подобных документах, где рабов упоминают в качестве носителей стоимости, более типичным для обозначения раба является *ἀνδράποδον*.

⁵ W. L. Westermann, Sklaverei, RE Suppl., VI, стб. 902; ср. он же, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1955, стр. 5, стб. 1; см. Я. А. Ленцман, ук. соч., стр. 48. Тут же, однако, я хочу решительно возразить Ленцману по поводу данной им (там же) недокументированной характеристики концепции рабства у Уэстерманна, как концепции, «принимавшей местами... ярко выраженный фашистский характер». Подобных мест у Уэстерманна я, во всяком

ческих контекстов, в которых эти термины встречаются. Морроу¹, цитируя закон предложенный Платоном с целью защищать покупателей рабов от обмана со стороны продавцов (Leg., 916 a), замечает: «примечательно, что в [этом] месте употребляется термин ἀνδράποδος, чем подчеркивается, конечно, имущественная, сторона раба (the property aspect of the slave)». Этот комментарий представляет собой значительный шаг вперед в анализе терминологии по сравнению с замечаниями Уэстерманна, хотя, на мой взгляд, Морроу все еще не раскрывает специфику термина ἀνδράποδος. Ибо в IV в. понятие «имущество» является основным содержанием концепции «раб» вообще, поэтому оно включается не только в термин ἀνδράποδος, но также и в два других общих термина, наиболее часто встречающихся в наших текстах — οἰκέτης и δοῦλος.

Раб как купленное имущество. То, что представление об имуществе лежало в основе понятия «раб», свидетельствует уже приведенное определение раба у Аристотеля. Употребляя как здесь, так и везде в своих рассуждениях о взаимоотношениях господина и раба в первой книге «Политики» «определяющий» термин δοῦλος², Аристотель характеризует раба как κτήμα. Это слово я перевела как «предмет собственности», но можно было перевести его и словом «приобретение», ввиду того, что оно имеет общий корень с глаголом κτάνομαι, «приобретать» и существительным κτήσις «акт приобретения» (а иногда и «приобретенный предмет»). Действительно, анализ рабства в работе Аристотеля частично дается в разделе ἡ κτήσις, или «наука о приобретении собственности», которая, в свою очередь, является частью науки об οἰκονομία³.

случае, не нахожу. Однако Ленцман, по-моему, по существу правильно отмечает (стр. 49) реакционную и исторически ложную тенденцию теории Уэстерманна о так называемых «градациях».

¹ G. R. Morrow, ук. соч., стр. 27. Тот же автор еще в одном месте (ук. соч., стр. 25) связывает термин ἀνδράποδος с представлением о рабе как имуществе. Однако Морроу затрагивает терминологические вопросы только мимоходом. В целом же его монография дает очень ценный отпор положению, поддержанному некоторыми видными учеными исследователями Платона, что взгляды Платона на рабство были... весьма гуманными (как уже отмечено в одной рецензии на работу Морроу: G. Vlastos, «Philosophical Review», т. L (1941), № 1 (январь), стр. 93 сл.).

² См. выше, прим. стр. 122. На основании различия, проводимого Аристотелем между πολιτικῆς и πρακτικῆς ὄργανα (Pol. I,4, 2—5, 1253b — 1254a), Э. Баркер делает следующий вывод: «Таким образом, Аристотель имеет в виду не рабов на фабриках или на плантациях, а домашнего раба» (the household slave) (E. Barker, The Politics of Aristotle, Oxf., 1948, стр. 11, прим. с). Объяснение кажущейся «одомашненности» раба, фигурирующего в аналогии Аристотеля, может, мы полагаем, крыться во всей концепции Аристотеля о надлежащем построении и цели семейной общины и «οἰκονομίας». Согласно этой его концепции, роль раба как πολιτικῶν ὄργανον, или орудия производства (роль, рельефно проявляющаяся в реально существующей «οἰκισческой» жизни современных Афин, нашедшей отражение в судебных речах) затмевается его ролью составного элемента социальной единицы, которая должна была выполнять «более высокую» функцию, а именно: деятельность (πράξις), направленную к достижению «благой жизни» (τὸ εὖ-ζῆν). Таким образом, мне кажется, что Ньюман в своем монументальном издании «Политики» (Oxf., 1887—1902) приближается в большей степени, нежели Баркер, к пониманию смысла рассматриваемого места, заявляя, что Аристотель стремился в нем показать, что роль раба была чем-то «более высоким», чем роль всего лишь орудия текстильного искусства, всего лишь дополнения к гребню» (т. II, стр. 139; разрядка моя — Э. К.)

³ Arist., Pol. I,4,1, 1253b; I,7,5, 1255b. Платон, характеризуя рабов как особенно беспокойный вид частной собственности, также применяет к ним слово κτήμα (Leg. 777b, ср. 776b). В качестве примеров употребления слова κτήμα фактически, как термина, обозначающего рабов, Liddell и Scott цитируют Plato, Phaed. 62;

Не следует, конечно, слишком усиленно настаивать на этом коренном значении слова *κτημα*, так как зачастую оно просто означает «собственность», «владение». К тому же следует иметь в виду, что, как известно, не вся собственность в рабах была «приобретенной»: имелись также *οἰκογενεῖς* — «доморожденные»¹! Однако разведение рабов требует многих лет непроизводительных расходов и в большинстве случаев человеческие *κτηματα* приобретались на рынке². Хотя статистическое доказательство этого утверждения было бы затруднительно, если и не вообще невозможно, все же в ряде литературных текстов можно найти убедительные свидетельства в пользу того, что в Афинах в IV в. типичным рабом был раб купленный.

В речи «По поводу договора с Александром» оратор предлагает своим слушателям-финянам вообразить, что кто-то захотел восстановить Писистратидов во власти. Какова была бы ваша судьба, вопрошает он, если бы вы согласились на это? (Вы оказались бы на рабском положении, на месте купленных за деньги (*δουλοῦσιν ἐκ τῶν ἀργυρώνητων*), и ваша участь была бы еще худшей, поскольку никто умышленно не убил бы своего раба (*τὸν μὲν οἰκέτην οὐδεὶς ἂν ἐκὼν ἀποκτείνει*)), в то время как тиран может убивать своих подданных без суда..., и т. д.³ «Порабощенные» подданные тирана сопоставляются с подлинными рабами, т. е. с людьми, чье положение является результатом не политического угнетения, а рыночной сделки. Платон в «Республике» описывает беспорядки, сопутствующие необузданной демократии, *ὅταν δὲ οἱ ἐωνημένοι ... μηδὲν ἤττον ἐλεύθεροι ὡς τῶν πριαμένων* «когда купленные не менее свободны, чем покупатели»⁴, а в «Политике» (289d) Платон упоминает о разновидности *ὑπὴρέται*, которые «бесспорно могут быть названы *δούλοι*», а именно, о тех, кто приобретен путем купли (*οἱ ὄνητοὶ τε καὶ τῷ τρόπῳ τοῦτο κτητοὶ*).

В вышеприведенных местах слова *ἀργυρώνητος* и *ὄνητος* «купленный (за деньги)» употребляются фактически как синонимы слова «раб». Для обозначения доморожденного раба необходим особый термин, на что указывает место из «Менона»⁵. Очевидно в развитом городе-государстве IV века предполагалось, что раб как таковой приобре-

Eu r., Med. 49. Ср. *κητιμῆμος*, — η, «господин» («госпожа»): Aristoph., Eccl. 1126; Plut. 4; Menand., Periceir. 67 et alibi.

¹ Plato, Men. 82b; ср. Dio Chrys., XV, 25.

² По мнению А. Андреадеса, приблизительно три четверти рабов, проживающих в Афинах, были ввезены туда (A. M. Andreades, A History of Greek Public Finance, т. I, Cambridge, Mass., 1933, стр. 283, прим. 1). Ср. С. И. Соболевский, Рабы в комедиях Аристофана как литературный тип, ВДИ, 1954, №4, стр. 16

³ Dem., XVII, 3. Указанное место — одно из многих, встречающихся в этих документах, которые мимоходом вскрывают материальную основу «гуманизма» афинских рабовладельцев, столь тепло оцениваемого современными поборниками частных инвестиций: никто не убивает своего раба (своего собственного раба, а не раба вообще, поэтому *οἰκέτης*) — зачем бросать деньги на ветер? Ср. Isocr., IV, 123 (где аналогичным образом ассоциируются термины *ἀργυρώνητος* и *οἰκέτης*). По существу Аристотель утверждает тот же принцип, но лишь с менее вульгарной конкретностью: *οὐ γὰρ ἐνδέχεται φθειρομένου τοῦ δούλου σωζεσθαι τὴν δεσποτείαν* — если раб уничтожен, господин больше не может быть господином (Pol. III, 6,6, 1278b).

⁴ Resp., 563b; ср. Aristoph., Plut., 518 сл.; Xen., Mem., II, 3, 3. «Свобода», которая по мнению Платона, является столь необузданной, вряд ли простиралась дальше, чем *παρρησία*, — см. Resp., 557b.; Gorg. 461e; Dem. IX, 3 (ср. LVIII, 68); [Xen.] Ath. Pol., I, 12. Аристофан, подшучивая над этими же тенденциями демократии к вырождению (Ran. 948—953), сам часто показывает в комических целях ту свободу речи, которой пользовались рабы в Аттике — почти столь же часто, может быть, как он упоминает о безудержной жестокости наказаний, применяемых по отношению к рабам их господами. См. С. И. Соболевский, стр. 31 сл. и цитируемый им фрагмент из пьесы Менандра (фр. 370 Kock). Ср. Arist., Pol. I, 13, 12, 1260a; V, 11, 11, 1313b.

⁵ Plato, Men., 82b; ср. Soph., O. T., 1123.

тался на рынке и, естественно, именно к рынку обращались для доказательства его положения: «Если же она была рабыней (δοῦλη), говорится в судебной речи, относящейся к середине IV в., то надлежит, чтобы присутствовал особенно (μάλιστα) тот, кто ее купил, или же, за неимением такового, тот, кто ее продал, ... в качестве свидетеля того, как она попала в рабство, или же того, как она была отпущена на волю»¹.

Дело, конечно, не всегда так обстояло². До того, как под рабом мог подразумеваться объект купли-продажи, требовалось, чтобы собственность вообще включалась в систему денежного обращения, т. е. требовалось значительное проникновение в полисную экономику товарного производства, что, в свою очередь, увеличило спрос на труд рабов. Когда отношения между вещами стали превалировать над отношениями между людьми, патриархальных домочадцев заменили «одушевленные предметы собственности», составные части «ойкоса» демосфеновского типа, основной функцией которого было накапливать, сохранять и передавать частную собственность, которая оценивалась, уже не столько в медимнах зерна и поголовьи скота, сколько в минах и талантах.

В контекстах применения слова ἀνδράποδος (как будет показано в другой части данного исследования) особенно выступает эта «товарная» сторона понятия «раб». Но еще ярче проявляется «телесное» восприятие рабов афинскими рабовладельцами IV века до н. э., которое можно проследить в наших текстах опять-таки при помощи «определяющего» термина δοῦλος.

Раб как тело. В речах Демосфена встречается целый ряд риторических воззваний к основным, не требующим доказательства принципам, к «вечным истинам», взлелеянным классом рабовладельцев. В одном из этих общих мест (XXX, 37; ср. Isaе., VIII, 12) слова δοῦλος и ἐλεύθερος противопоставляются друг другу в провозглашении такой оригинально специфической, рабовладельческой истины, что некоторые буржуазные ученые, натолкнувшись на нее, просто сбились с толку. В данном месте речь идет о том, как в афинской судебной процедуре было принято «добиваться правды» в сомнительных делах путем допроса рабов под пытками (βάσανος), что считалось методом гораздо более надежным, чем выслушивание свидетельских показаний (μαρτυρίαι) свободных лиц.

Удивление, возмущение, даже откровенное недоверие, с которым упомянутые ученые относятся к критерию свидетельских показаний, существовавшему у древних рабовладельцев, делает больше чести их собственным гуманным принципам, нежели восприятию ими той социальной обстановки, в которой этот критерий зародился. Оценка этики одного правящего класса в соответствии с этическими нормами другого правящего класса вряд ли может иметь большой исторический смысл. Юридическая этика древних возникла в обществе, лишь немногие члены которого пользовались в полной мере положением человека. Известный английский ученый, специалист по аттическому частному праву, У. Уайз, зло высмеял своего американского коллегу Боннера, который в качестве отправного момента при изучении аттических правил о свидетельских показаниях взял процедуру английского обычного права. Но вряд ли сам Уайз проявил большее историческое чутье, когда он просто отмахнулся от многочисленных данных источников, подтверждающих признание аттическим судопроиз-

¹ Dem., LVII, 34. Под словами «тот, кто ее продал» (τὸν ἀποδόμενον) в данном контексте можно подразумевать не только того, кто продал ее другому хозяину, но и того, кто отпустил ее на волю, ибо сделкой купли-продажи отмечались как введение человека в положение раба, так и отпущение его на волю (см., напр., Dem., LIX, 32). Кстати, рекомендуемая здесь процедура была именно той, которая была применена Апполодором (LIX) для того, чтобы доказать, что Неэра когда-то была рабыней (см. ниже).

² Современник Демосфена историк Феоном из Хиоса вспоминает о том, как на его родном острове впервые было введено в практику эллинов приобретение рабов путем «выкладывания за них денег» (Athen. VI, 265b — c).

водством допроса рабов под пытками, охарактеризовав эту практику как... «not likely» («невероятное») ¹.

У. Л. Уэстерманн ² лишь поверхностно касается данного вопроса. Отмечая, что при судебных показаниях, в отличие от свободного, «раба можно было подвергнуть допросу посредством bastinado или дыбы», он предельно скудно и одно-сторонне приводит только те источники и современную литературу, которые рас-считаны на ослабление его уже в достаточной мере проблематично сформулиро-ванного утверждения. На вопрос почему именно рабов не только «можно» было, но и обязательно нужно было подвергнуть пытке при судебных показаниях, Уэстерманн не проливает никакого света.

Правда, древние логографы запасались аргументами как за, так и против законно-сти показаний, исторгнутых под пыткой ³. Однако это свидетельствует скорее о проф-фессиональной сноровке авторов речей, нежели о нереальности самой процедуры. Различные методы, при помощи которых удавалось «добиться правды» у раба, изна-гаются со вкусом знатока в «Лягушках» ⁴. Ксанфием, который стремится дать своему господину Дионису отведать собственного лекарства. Предполагалось, как нечто в при-роде вещей, что при пытках раб либо умрет, либо будет жестоко искалечен ⁵. Именно поэтому «одушевленная собственность» обычно могла быть подвергнута подобному губительному испытанию только с согласия ее владельца ⁶.

Реальность этого рабовладельческого критерия свидетельских показаний явля-ется, по моему мнению, неоспоримой, хотя в наших документах она неизменно при-водится в негативном контексте, в котором отвергается предложение или требование представить рабов для пыток ⁷.

¹ W. W y s e, в A Companion to Greek Studies, Cambridge, 1905, стр. 398 сл.: «Вряд ли свободные имели обыкновение рисковать важнейшими интересами, ставя их в зависимость от показаний раба под пыткой». Его критику работы Боннера см. в «Classical Review», т. XX, 1906, стр. 55. Ср. и G. R. M o r r o w, ук. соч., стр. 80 (цитируя Mahaffy). Боннер сам потом подписался под менее скептической оцен-кой данных источников по этому поводу, утверждая что они показывают, что «рабы подвергались пытке в связи с судопроизводством», но в той же работе читателей уте-шают тем, что «афиняне придавали мало значения» результатам, добываемым этой процедурой,— см. R. J. B o n n e r, G. S m i t h, The administration of justice from Homer to Aristotle, т. II, Chicago, 1938, стр. 126 слл. Боше, наоборот, принимает свидетельство источников без оговорок (L. V e a u c h e t, Histoire du droit privé de la république athénienne, P., 1897, т. II, стр. 426 слл.).

² W. L. Westermann, The Slave Systems... стр. 17, стб. 1.

³ См. Arist., Rhet. I, 15, 26, 1377a; Lys., IV, 16; Dem., XXIX, 14; ср. An- t i p h., I, 8—10; V, 31 сл.

⁴ Aristoph., Ran. 618—621; характерна терминология: сначала (стк. 615) Ксан- фий предлагает Аяку пытать «вон того мальчика» (τον παῖδα τουτονί), но Дионис пе- ред началом его испытания решает сбросить с себя личину и раскрыть истинное положение как свое, так и Ксанфия. «Ведь я бессмертный Дионис, а он — раб» (τοῦτον δὲ δούλον, стк. 631 сл.). Ср. Plato, Resp. 531 b.

⁵ Заранее принимались меры в отношении уплаты убытков рабовладельцу: Dem., XXXVII, 40; LIX, 124. Ксанфий отказывается от этого права: любой ущерб, который Аяк может причинить его «рабу» (в действительности его господину) Дионису, до- ставить ему лишь одно удовольствие (Aristoph., Ran. 623 слл.).

⁶ См. Antiph., VI, 23. Но при делах особой государственной важности, повиди- мому, можно было (по крайней мере в V веке) заставить рабовладельца передать своего раба для допроса пытками. См. Andoc., I, 22.

⁷ Насколько мне известно, в источниках IV века нет указаний на исторические случаи применения βασανός для получения доказательств в судебном процессе (пытки, упомянутые в Dem., XLVIII, 18, применялись в частном порядке). Но реальность его достаточно убедительно показана в деловых предварительных мерах, описываемых

Но может возникнуть вопрос, каким образом в рабовладельческом обществе возникло представление о решающем значении показаний, исторгнутых под пыткой из тела раба? Ответ на это с характерной откровенностью дают сами древние: «Я потребовал от него трех рабынь (*θηράτρινας*)..., чтобы это дело было выяснено не только лишь словами, но также и пытками»¹.

Демосфен упоминает о «понятном» (*εἰκέντως*) недоверии дикастов к добровольным свидетельским показаниям свободных людей, которые «уже кое-когда оказывались сообщившими неправду» (XXX, 37; ср. Isae., VIII, 12); в другой речи того же собрания показания, исторгнутые под пыткой у рабыни, пеяются выше письменного показания свободных лиц, которые могли быть подкуплены (XLVII, 8; ср. Isocr., XVII, 54). Правда конечно, что в судебных речах аргументация умышленно отягощалась для укрепления позиции одной стороны в оспариваемом вопросе. Все же следует отметить, что эта аргументация не имела бы никакой силы, если бы слушатели не воспринимали ее как «понятную». Непроизвольная, «фактическая» реакция тела раба на острую боль — это, и только это, считалось не поддающимся подкупу. Необходимо лишь, чтобы процесс пытки раба продолжался достаточно долго, чтобы пытаемый позабыл те опасения, которые он, возможно, питал в отношении последствий своих признаний, а для определения этого момента имелись беспристрастные судьи — *οἱ βασανισταί*, т. е. палачи: *κἀγὼ μὲν ἤξιον αὐτοῦς (τοῦς βασανιστάς) μαστιγοῦν τῶν ἐκδοθέντων καὶ στρεβλοῦν ἕως, ἂν τὰληθῆ δόξαιεν αὐτοῖς λέγειν*².

Разумеется, продажность свидетелей — явление характерное не только для Афин IV века до н. э., хотя особенно сильная тенденция в этом направлении, возможно, и была связана с относительной незрелостью денежной экономикой в то время. Но исторически специфическим является как раз то, что Уайз считал «невероятным», а именно, что «свободные имели обыкновение рисковать важнейшими интересами, ставя их в зависимость от показаний раба под пыткой». Дело заключается в том, что показания раба под пыткой считались не просто «словами», как заметил уже Валлон, — они считались «деяниями» (*ἔργα*) или «фактами», и отсюда, повидимому, вытекала и их большая достоверность при судебном следствии. Согласно обычаю полисного общества, нельзя было подвергнуть пытке свободного человека, но можно было пытать раба, причем из тела раба можно было добиться фактов, менее всего окрашенных вымыслом, фактов в наиболее вещественной форме. К тому же, если учесть то сравнительно второстепенное значение, которое имели письменные документы вплоть до конца IV в. (за исключением завещаний и сделок о морских займах) как в экономической деятельности Афин, так и в качестве улики в спорных вопросах, вытекающих из этой деятельности³, то объективные, «фактические» свойства, приписываемые непредумышленным свидетельским показаниям рабов, становятся еще более понятными.

как в вышеупомянутой речи Демосфена (XXXVII, 40), так и в Isocr., XVII, 15 (на это обратила мое внимание Т. В. Блаватская).

¹ Dem., XXX, 35; ср. Lysurg., с. Leocr. 29: *βασανιζειν καὶ τοῖς ἔργοις μᾶλλον ἢ τοῖς λόγοις πιστεῖν*. См. L. Beauchet, ук. соч., т. II, стр. 427; А. Валлон, История рабства в античном мире, М., 1941, стр. 140: «... пытка была общепризнанным важнейшим средством открытия истины, была в некотором роде в глазах этих людей (т. е. рабовладельцев. — Э. К.)... свидетельством, уподобляющимся самому факту».

² «Я просил их бичевать и растягивать его до тех пор, пока, по их мнению, он не скажет правды» (Isocr., XVII, 15).

³ См. M. I. Finley, *Studies in land and credit in Ancient Athens, 500—200 B. C.*; *The Horos-Inscriptions*, New Brunswick, N. Y., 1952, стр. 21, слл., особенно место из речи «Против Тимофея», цитируемое автором (стр. 215, прим. 61: Dem., XLIX, 50—52) в целях указания на отсутствие письменных соглашений в сделках о личных займах. Особый интерес для нас представляет в этом месте положительная сторона: существование контракта лучше всего может быть доказано, как утверждает выступающий, передачей для пытки рабов, которые доставляли бы залог трапезиту или принимали

Акцент падает на «тело» раба и при провозглашении еще одной «вечной истины» аттического права, в котором мы снова сталкиваемся с «определяющим» термином *δοῦλος*. В двух почти идентичных местах из различных речей Демосфена некоторые должностные лица обвиняются в незаконном заключении граждан и метэков за неплату денежных взносов государству (*εἰσφορὰ*). Восполнение такой задолженности, как указывает оратор, должно скорее происходить «за счет нашего имущества (*κτήματα*)», чем «за счет [оскорблений, причиненных] нашим телам (*σώματα*)», поскольку «мы делаем взносы пменно за счет первого». Эта несколько казуистическая аргументация подкрепляется затем обращением к глубочайшим социальным инстинктам демоса: «Если вы, дикасты, дадите себе подумать о том, каково величайшее различие между положением раба (*δοῦλος*) и свободного, то вы увидите его в том, что за любые проступки, рабы отвечают своими телами (*τὸ σῶμα.. ὑπεύθυνόν ἐστιν*), свободные же подлежат телесному наказанию лишь при крайних обстоятельствах»¹.

Это общее место заслуживает внимания как своего рода «соматическое» определение раба, а также как формулировка, излагающая основной принцип афинской демократии: с демосом нельзя обращаться так, как сам демос обращается со своими рабами. Дикасты, разумеется, не нуждались в напоминании о различии между свободным и рабом: оратор напоминает им об этом для того, чтобы усилить их подозрения в отношении политических взглядов своего противника². Но это «определение» лишь яснее раскрывает сущность рабовладельческой идеологии тем, что оно вставляется мимоходом: понятие «раб» привычно — «естественно» — связывалось с понятием телесного мучения (*δοῦλος δὲ πλῆγαι καὶ τὸ τοῦ σώματος ἀίχμισός* — VIII, 51=X, 27).

В эллинистическую эпоху связь между понятиями «раб» и «тело» нашла выражение в новом общем термине, обозначающем раба, — «сома». В судебных формулировках времени Демосфена этот термин встречается все еще в стадии формирования. Как напоминает нам Я. А. Ленцман, уже Валлон обнаружил у Демосфена в контексте *βέβαιος* слово *σῶμα*, применяемое без дальнейшего определения для обозначения раба. Место, процитированное Валлоном³, находится в речи «Против Эверга и Мнесибула». Выступающий подробно останавливается на том, что его противник не представил свою рабыню для допроса под пыткой. Формула *παραδοῦναι τὸ σῶμα τῆς ἀνθρώπου* — «передать тело женщины» много раз повторяется в течение аргументации, а в двух случаях стоит одно «тело», без «женщины». В месте, процитированном Валлоном, выступающий отмечает, что, как правило, в случае вызова на допрос под пыткой рабов, собирается толпа людей, чтобы послушать, что говорится, «когда тело доставляется и передается» (*ἅπαντες τὸ σῶμα παραδίδῃ κοίτας*). Второй пример (§ 47) является более сомнительным, поскольку фраза, в которой для обозначения рабыни употреблено только слово «тело», следует непосредственно после упоминания о «женщине»: «они засвидетельствовали, что Феофем хотел передать женщину, хотя ни в то время..., ни позднее он никогда не представил тела» (*οὐδ᾽ αὐτοῦ τὸ σῶμα παραδίδόντος*). Но приве-

бы его там же: *χρῆν γὰρ αὐτόν, εἰ μὲν οἰμέται ἤνευχαν, τοὺς κοίσιαντας παραδίδουαι...* (§ 52 — о политехническом употреблении последнего глагола, см. ниже).

¹ Dem., XXIV, 167 (=XXII, 55). Ср. Aristoph., Nub., 1413 сл. Другие литературные и эпиграфические свидетельства о преобладании этого «соматического» различия между рабом и свободным в греческом праве см. у G. R. Morgan, ук. соч., стр. 67 слл.

² В других местах этой же речи (XXIV, 75, сл.; 163) Демосфен более открыто клеймит своего противника Тимократа ненавистным ярлыком «олигарха».

³ А. Валлон, ук. соч. стр., 257, прим. 20 (цитируя Dem., XLVII, 12); ср. стр. 264, прим. 9; Я. А. Ленцман, ук. соч., стр. 61, прим. 4. У. Л. Уэстерманн (The Slave Systems... стр. 5, прим. 4) ссылается на Xen., Cyr., VII, 5,73, но там слово *τὰ σώματα* относится, по моему мнению, ко всему населению побежденного полиса, а не только к рабам.

денный Валлоном пример, который при этом носит форму итеративного предложения, явно представляет собой случай употребления слова σῶμα для обозначения раба.

Можно привести и другие места из наших текстов, в которых личность раба представлена, так сказать, телом его, хотя само слово σῶμα не употребляется в прямом смысле «раб». В речи, написанной для Аполлодора (сына траpezита Пасиона), возбудившего дело против стратега Тимофея, аргументация частично базируется на отказе ответчика представить для допроса под пыткой своего слугу — раба Эсхриона на том основании, что Эсхрион уже отпущен на волю: поскольку Эсхрион больше не δοῦλος, он не может быть подвергнут пытке, утверждает Тимофей (XLIX, 55). Аполлодор отвечает: «Но он не предлагал использовать показания Эсхриона как свободно-го и не хотел передать Эсхриона как раба для того, чтобы добиться доказательства из тела его» (οὐθ' ὡς δοῦλον τὸν Ἄ. παραδοῦς ἐκ τοῦ σώματος τὸν ἔλεγχον ἠξίου γενέσθαι — § 56). Слово σῶμα здесь носит прямой смысл «тело», но именно в этом значении оно обозначает все то в личности раба, что имеет касательство (с точки зрения рабовладельца) к данному контексту.

В речи «Против Неэры» слово σῶμα снова дважды употребляется в таком же двойственном смысле, на этот раз в контексте, повествующем о продаже рабынь-проституток, в том числе и самой Неэры¹. Торговые сделки, упомянутые в этих двух местах, составляют главные звенья в цепи доказательств, подтверждающих, что Неэра некогда была рабыней (δοῦλη — § 49). Первым таким звеном является утверждение, что сначала Неэра стала собственностью сводницы Никареты (§ 18: ἐκτῆσατο Νικαρέτῃ); затем следует констатирование двукратной продажи ее «тела», а за ними следует еще третья и окончательная сделка о «продаже на свободу»². Таким образом, в изложении дела против Неэры три основные черты раба как такового в понимании рабовладельцев, т. е. раб — это 1) вообще имущество, 2) купленное имущество и 3) существо прежде всего «телесное», появляются как существенные моменты доказательства ее прежнего положения: а именно, что она вступила в жизнь как δοῦλη.

В идеалистической философии того же периода, к которому относится рассматриваемый текст, зачастую понятие «раб» ассоциируется с понятием «тело», причем тело характеризуется как «рабский» элемент в человеке, в противовес «господствующему» духовному элементу — душе³. В «Политике» Аристотеля это сопоставление телесного и рабского является частью утверждения, что отношение (деспотическое) между господином и рабом, по существу, возникает в природе (φύσει), а не в обычае (νόμῳ). Утверждая естественную основу господства души над телом, Аристотель подходит к рассмотрению «природных» особенностей раба (δοῦλος). Он отмечает, что «душа господствует над телом, как господин господствует (над рабом)»; далее он уподобляет раба домашним животным, как существо «предназначенное для телесного использования» (ἄσων ἐστὶν ἔργον ἢ τοῦ σώματος χρῆσις)⁴.

В своей последней работе английский историк-марксист Джордж Томсон возвращается к положению, выдвинутому им ранее, а именно, что аналогия, встречаю-

¹ Dem., LIX, 19: ἐπειδὴ τὴν ἡλικίαν ἐκαρπώσατο αὐτῶν ἐκάστης, συλλήβδην καὶ τὰ σώματα ἀπέδοτο ἀσῶν; § 29: κατατιθέασιν αὐτῆς τιμὴν... τοῦ σώματος... καὶ ὄνοῦνται αὐτὴν.. καθάπαξ αὐτῶν δοῦλην εἶναι. Разумеется, в данном контексте термин σῶμα, обозначающий непосредственный объект купли-продажи, выполняет свою особую функцию. Однако т. л. раба-ремесленника или домашнего слуги отчуждалось не менее полно, чем тело проститутки; в принципе сделка была такой же.

² § 32. См. выше. Подытоживая свои доводы, выступающий явно связывает положение Неэры как рабыни с ее положением как товара — § 49: ὅτι μὲν τοίνυν ἐξ ἀρχῆς δοῦλη ἦν καὶ ἐπραθῆ δις κτλ...

³ См., напр., Plato, Phaed. 79e — 80a; ср. Xen., Mem. I, 4, 9.

⁴ Pol., I, 5, 4—8, p. 1254 a—b; ср. I, 11, 6, p. 1258b. Платон также включает рабов в имущественную категорию прирученных животных — см. Polit., 289b.

щаяся у Платона, т. е. «идея, что человек для бога, а тело для души — то же, что раб для его владельца», зародилась в орфической доктрине VI века до н. э.¹

Но, как мне представляется, прообраз аналогии телесного с рабским скорее всего был найден как Аристотелем, так и Платоном² в непосредственном их материальном окружении. Имеется в виду обычная, повседневная практическая реальность Афин IV века, несомненно породившая и ту связь между понятиями «тело» и «раб», которую мы наблюдали в судебном красноречии. Каждый день десятки раз — в судах, на улицах, у себя дома, рабовладельцы должны были быть свидетелями или участниками происшествий, в которых рабы прежде всего фигурировали телесно: телесные наказания, применяемые по отношению к рабам, «исторжение истины» из их тел под пыткой, захват их в погашение неуплаченных долгов их владельцев, компенсация, выплачиваемая их хозяевам за ущерб, нанесенный телам рабов, и т. д. Такие картины были обыденным явлением в демократических Афинах IV века, и в каждой из них элемент именно телесного страдания и унижения наглядно показывает разницу между рабом и свободным³.

На самом деле назначение «телесного использования» и сопутствующие ему телесные страдания представляют собой естественные в социальном отношении атрибуты раба в античном полисе классических времен. Когда свободный человек становился *δοῦλος*, то судьба (т. е. общество) поистине лишала его половины человеческой доблести, лишив его всех прав на собственность не только в продуктах его труда, но и в самом его теле. Демосфен мог бы заявить: отличие свободного от раба заключается в том, что последний не является хозяином своего тела — таков, по крайней мере, реальный корень его афоризма о «величайшем различии» между *δοῦλος* и *ἐλευθερος*, уже приведенного выше. Аристофан действительно заявил устами раба, фигурировавшего в одной из его комедий: «Ведь раб владеть не смеет телом собственным, кто нас купил, тому мы богом вверены»⁴. Но если порабощенный человек утрачивает право на распоряжение своим телом, если можно охарактеризовать его как чистый субъект, лишенный телесной оболочки, состоящий исключительно из «несбывшихся желаний»⁵,

¹ G. Thomson, *Studies in Ancient Greek Society*, т. II: *The First Philosophers*, L., 1955, стр. 239 слл.; ср. он же, *Aeschylus and Athens*, L., 1941, стр. 157 слл.

² Платон не только зачастую приукрашивал свою диалектику сравнениями, позаимствованными из области рабских отношений (см., напр., *Resp.*, 531b., где исследование гармонических соотношений между звуками, получаемыми при игре на струнном инструменте, сравнивается с допросом рабов под пытками); само построение его теоретических идей, его учения о духе и материи коренится в этих отношениях. См. в этой связи очень интересные наблюдения Ф а р р и н г т о н а (B. Farrington, *Greek Science: Its Meaning for Us*, L., 1953, стр. 141 слл., и статью В л а с т о с а, цитируемую им — «*Philosophical Review*», т. I (1941), № 3, май, стр. 289—304).

³ С. И. Соболевский (ук. соч., стр. 28 сл.) обращает наше внимание на замечания, часто встречающиеся в пьесах Аристофана по поводу «любви (раба) к еде», — «о ней он никогда не забывает». Шутки комического поэта по этому поводу кроме того, что они заявляют о неважном питании «избалованных» домашних рабов Афин, должны были, повидимому, показать, что у рабов даже стремления все «телесны». Ср. Menand., *Heros*, 16 сл. (изд. Loeb'a).

⁴ *Plut.* 6 сл. в переводе В. Холмского — Аристофан, *Комедии*, М., 1954, т. II, стр. 399. См. также *Lys.* XXIII, 12: *περὶ τοῦ σώματος ἰγωνισαῖσθαι*, где речь идет о человеке, который испаривает в суде обвинение, что он *δοῦλος*; ср. *Agistoph.*, *Ran.*, 191: *εἰ μὴ νεναυμήχηκε τὴν (μάχη)ν περὶ τῶν κρεῶν*, и объяснение схоластика: *κρεῶν, τοῦτέστι σώματων* (см. комментарии к этому месту в издании «Лягушка» В. В. Rogers, L., 1902, стр. XI, сл.; 32).

⁵ См. G. Thomson, *Ancient Studies...*, т. II, стр. 258 сл.

то наряду с этим для своего господина он становится прежде всего полезным телом. Он приобретает новую социальную функцию, соответствующую его новому социальному положению.

Закончим рассмотрение «телесного» аспекта понятия «раб» приведением еще одного поучения Аристотеля по этому поводу: «Прежде всего,— замечает он в начале своего анализа составных частей первичной полисной ячейки, рабовладельческой семьи,— необходимо, чтобы соединились друг с другом те, которые не могут существовать друг без друга, а именно... [с одной стороны, мужское и женское начало, а с другой стороны]... соединяется элемент, по природе своей правящий (ἄρχων δὲ φύσει), с управляемым... Элементом же, по природе своей правящим и господским (δεσποζόν φύσει), является тот, который силой разума способен на предначертание [того, что нужно сделать], а элементом, управляемым и по природе своей рабским (φύσει δοῦλον), является тот, который ввиду своей телесной силы способен на исполнение предначертанного (τὸ δὲ δουλείων τῷ σώματι ταῦτα ποιεῖν). Поэтому между господином и рабом есть общий интерес»¹. Следует признать, что это— весьма удобный, равно как и весьма логический вывод для того, кто «по природе своей» являлся идеологом эксплуататорского класса.

«Рабские занятия». Если применить аристотелевскую логику к терминологической ситуации, рассмотренной в предшествующем разделе, т. е. к обнаруживаемой уже в судебных речах IV века тенденции отождествлять «раба» с «телом», то напрашивается следующий силлогизм: если физический труд — естественное назначение раба, и если А занимается таким трудом, то А выполняет естественную функцию раба — и должен быть отстранен от участия в привилегированном сообществе свободных. Это и есть, конечно, знаковая социальная логика антидемократически настроенных философов IV века. В одном из дел, изложенных в частных речах Демосфена, эта логика получает юридическое применение. Но в демократической обстановке дикастерия она приходит в столкновение с социальной логикой иного типа. Одним из результатов этого столкновения является модификация, но никоим образом не опровержение, большой посылки нашего силлогизма.

В речи «Против Эвбулида» Эвкситий призывает дикастов выступить против принятого его содемотами решения вычеркнуть его имя из списка дема, иными словами — лишить его афинского гражданства². Решение дема было принято на основе заявления демарха Эвбулида, что Эвкситий не происходил из свободных афиняня; в частности, что его мать Никарета заведомо торгует на рынке лентами и когда-то служила кормилицей (τίθει). Первая деятельность Никареты якобы доказывала, что она теперь является иностранкой (ξένη), а последняя — что она когда-то была рабыней (δοῦλη)³. Это последнее обвинение представляет логику нашего силлогизма и на самом деле, как это откровенно признает Эвкситий (§42), сделало его положение весьма опасным.

Как же он отвечает на логические выводы Эвбулида? Соглашаясь, что Никарета служила кормилицей и что служение кормилицей является рабской деятельностью, Эвкситий, в данных специфических обстоятельствах, отрицает общий вывод, что в силу этого положения Никарета была рабыней. У Эвксития имелись прямые доводы в опровержение данного обвинения приведенные мною выше, но, учитывая большую силу укоренившегося социального предрассудка, к которому апеллировал Эвбулид, он, очевидно, решил не ограничиваться

¹ Pol., I, 2, 2, 1252a; ср. I, 5, 10, 1254b: тела рабов обычно сильнее, что и соответствует их назначению (πρὸς τὴν ἀναγκαίαν χρῆσιν), тогда как стройные тела свободных самой природой были приспособлены «для политической жизни».

² Об этой речи (Dem., LVII) и о порядках пересмотра списков демов (διαφύφησις), см. подробный анализ у В. H a s s o u l i e r, La vie municipale en Attique, P., 1884, стр. 38 слл.

³ LVII, 30 слл. Ср. рабыню-кормилицу, упомянутую в XLVII, 55, 72.

в своей защите указанием на одно лишь отсутствие фактического доказательства, что его мать была рабыней. Поэтому он прибегал к иной логике — к логике воздействия экономических обстоятельствами, этим же рассчитывая возбудить сочувствие большинства судей. Действительно, если учесть последствия для Эвксития, к которым могло привести отрицательное настроение большинства дикастерия¹, то его ссылка на «смягчающие вину обстоятельства» может рассматриваться как доказательство того, что подобные обстоятельства были хорошо знакомы значительному числу афинских граждан того времени².

Аргументация Эвксития по этому вопросу довольно четко раскрывает противоречие между укоренившимся социальным предрассудком и воздействием экономических условий. Эвкситий признает, что мать когда-то, сильно нуждаясь, работала кормилицей: «даже если кормилица низкое существо (*ταπεινόν*), я правды не избегаю — ведь не в нашей бедности состоит преступление, а в том, что мы [якобы] не граждане, не наше счастье, не наше денежное состояние, а наши родственные связи (*ὄψαρ γένους*) рассматриваются в настоящем процессе. Бедность заставляет свободных заниматься многими рабскими и низкими делами (*πολλά δουλικὰ καὶ ταπεινά πράγματα*), за что они достойны скорее жалости, о афиняне, чем еще большего несчастья. Ибо... многим афинянкам приходилось работать кормилицами и шерстопрядильщицами и сборщицами винограда» (§ 44 сл.). В другом месте в связи с обоими обвинениями Эвбулида Эвкситий говорит: «И сегодня вы найдете многих афинянок, которые работают кормилицами... Ведь если бы мы были богатыми, мы бы не занимались продажей лент, мы бы не были лишены всяких средств. Но какое это имеет отношение к нашему происхождению?... Никак не должно, о дикасты, наказывать бедных бесправностью — им достаточно плохо от того, что они бедствуют, — ни, пожалуй, тех, кто берется за честную трудовую жизнь» (*τοὺς ἐργάζεσθαι καὶ ζῆν ἐκ τοῦ δικαίου προαιρουμένους* — § 35 сл.).

Здесь представлены совершенно иные социальные взгляды, чем у Аристотеля или Платона. И все же остается фактом, что Эвкситий, излагая дело честного бедняка перед сочувственно настроенной аудиторией, разделяет — и ждет, что его слушатели разделят, — общее предубеждение рабовладельцев против того, что он называет «рабскими делами» (*δουλικὰ πράγματα* — § 45), причем он весьма настойчиво проводит различие между социальным (или, точнее, родственным) положением и экономическим положением³. Однако, как бы энергично он ни утверждал, что эти два положения не связаны друг с другом, в действительности экономические бедствия афинян, подобных Эвкситию, уже явно приходят в столкновение и ставят под угрозу «чистокровно» унаследованное ими положение свободных граждан. Таков, по моему мнению, исторический вывод, который напрашивается на основании дела Эвксития, независимо от того, каким образом это дело было разрешено дикастами.

Эвкситий упоминает только о трех разновидностях «рабской» деятельности: работе кормилицы, шерстопрядильщицы и сборщицы винограда. Список короток, но, кроме случайного характера самого контекста, следует также учитывать, что Эвкситий гово-

¹ Если бы Эвкситий согласился с решением дема, то, лишившись прав гражданства, он числился бы метэком, но если дикасты теперь отвергнут его просьбу о пересмотре решения дема, то он будет продан в рабство. См. *argumentum* к Dem., LVII и вступительные слова Дионисия Галикарнасского к Isaе. XII.

² Речь датируется ок. 345 г. до н. э., но хотя выступающий ссылается также и на современную ситуацию (§ 35), он связывает начало упадка благосостояния многих граждан с «бедствиями, постигшими город в те времена» (§ 45), т. е. в десятилетия, последовавшие за поражением при Эгоспотамах.

³ Правда, в деле Эвксития имеется при этом и юридический момент: суд должен определить именно его право на положение гражданина и только. Но чтобы добиться благоприятного решения, ответчик должен прежде всего преодолеть социальное предубеждение судей, что и является главным назначением данной аргументации.

рит о видах работ, выполняемых женщинами¹. Диапазон «дел», которые Эвкситий мог определять как «рабские», выходил, конечно, за пределы перечисленных им трех женских занятий.

Тем не менее имеется некоторое основание считать, что для большинства афинян этого периода, т. е. для того большинства, чье счастье в лучшем случае подвергалось частым переменам², выражение *δοῦλῆ πρᾶγμα* вряд ли охватывало ремесленный или сельскохозяйственный труд в целом, несмотря на то, что в наиболее развитых мастерских и сельских хозяйствах применение рабского труда уже стало типичной формой эксплуатации

Указания на это можно нередко встретить в частных речах демосфенового корпуса. Хотя эти речи зачастую касаются имущественных тяжб состоятельных афинян или метэков, они все-таки рассчитаны на то, чтобы завоевать симпатии менее обеспеченных граждан, составляющих большинство в суде гелиэи. Поэтому неудивительно то, что в них часто отражены не только политические и социальные взгляды рядового дикаста, но в известной мере и его домашний уклад.

Выступающий в суде мог, например, считать за данное, что в доме любого дикаста имеется один-два домашних слуги — по меньшей мере один «Сир» или «Ман»³, или же, по меньшей мере, одна служанка (как в *Lys.*, I). Но больше этого вряд ли можно было предположить. Сравнительно у немногих из них могли найтись деньги для покупки обученных ремесленников или же земли в достаточном количестве, чтобы возместить расходы по содержанию таких групп полевых рабочих, какую содержал Исхомах в «Ойкономикосе» Ксенофонта. Те рабы, занятые в производстве, с которыми мы чаще всего встречаемся в речах Демосфена, были собственностью относительно богатых людей, например: ремесленники, оружейники и мебельщики, которые составляли часть наследства Демосфена (XXVII—XXIX); рабочие в эргастерии Пантэнета, расположенном в районе серебряных рудников

¹ В целом, как замечал Энгельс (Происхождение семьи..., М., 1947, стр. 74), афинский гражданин смотрел на свою жену как на «старшую служанку». Естественным с социальной точки зрения продолжением ее полурабского положения в семье являлось то, что ее труд использовался в случае нужды за деньги, чтобы ее муж мог сам избежать «рабской» работы. См. *Xen., Mem.*, II, 7, где Сократ советует афинянину, который не имеет средств для покупки *βαρβαροὶ ἄνθρωποι*, воспользоваться талантами своих родственников в шерстопрядении на продажу. Ср. *Arist., Pol.*, VI, 8, 23, 1323a.

² См. *Dem.*, XLII, 4. Это место цитируется Фивли (*M. I. Finley*, ук. соч., стр. 63) в подтверждение его мнения, что «хотя IV век до н. э. явно был периодом растущего обнищания для многих греков, повидимому, он не был периодом растущего богатства на другом конце общественной лестницы». Вообще говоря, это положение Фивли кажется мне менее убедительно обоснованным указаниями на источники, чем большинство его заключений в этом весьма глубоком и ценном исследовании. В частности же хотелось бы отметить, что хронически повторяющееся несчастье у *οἱ πολλοί* (о чем речь идет в данном месте у Демосфена) предполагает своей антитезой продолжающееся счастье у *οἱ πολλοί*, а при любой экономике, кроме, пожалуй, сплошной натуральной, «продолжающееся» счастье, надо полагать, означает «возрастающее».

³ *Dem.*, XLV, 86. Обращение оратора к сочувствию судей именно как к владельцам рабов трудно понять, если дикастерий не состоял почти весь из рабовладельцев. У. Л. Уэстерманн (*The Slave Systems...*, стр. 8), доказывая, что у «значительной части» свободного населения Аттики, притом даже и у состоятельных граждан, не было никаких рабов, не упоминает этого места. Здесь нельзя останавливаться на других, существенных, как мне кажется, слабостях аргументации Уэстерманна по данному вопросу. Хочется только заметить, что в том месте (*Aristoph., Eccl.*, 593), которое он считает решающим доказательством своего положения, представлены только крайние полюсы богатства и бедности. Ср. *Lys.*, XXII, 16.

(XXXVII); ремесленники, разделенные самозванными наследниками Комона (XLVIII)¹. Для большинства граждан, можно предположить, рабы служили главным образом домашними слугами и, возможно, самое большое — вспомогательной силой в полевых работах или у верстака².

Что касается менее обеспеченного гражданина, то он мог не только сам заниматься физическим трудом в сельском хозяйстве или даже в мастерской³, но, как человек, зарабатывающий на жизнь своим трудом, он — по крайней мере в том общественном мнении, которое слышно в дикастериях, — считался уважаемым членом общества. В речи «Против Неэры», например, мы встречаем сочувственное упоминание о Фрасторе, гражданине-труженике, которому, повидимому, нелегко было добывать средства к жизни⁴, чему может быть противопоставлено возмущенно презрительное отношение к бесчинным сыновьям отцов *καλοὶ καγαθοὶ* в речи «Против Конона» (LIV, 14 сл.).

Даже богатый трапезит добивается сочувствия дикастов — разумеется, не своему богатству, а своему «честному трудолюбию», причем он характеризует своего противника как праздного растрачщика⁵. Также можно упомянуть об афинском рабовладельце, достаточно богатом, чтобы быть причисленным к группе лиц, оказывавших государству наиболее важные общественные услуги, но который считает целесообразным отреккомендовать себя в суде как человека, приобретавшего свое состояние (в серебряных рудниках), так сказать, в поте лица своего (*αὐτὸς τὸ ἐπιούτω σωματ ποῦν καὶ ἐργαζόμενος* — XLII, 20).

Даже если бы не имелось более прямых доказательств, заявления такого характера, обращенные к афинскому демосу, наделенному правами юридического арбитра, показывали бы достаточно ясно, что логические выводы теоретиков типа Аристотеля или Платона о рабском характере любого физического труда представляли общественное мышление только одной группы рабовладельцев — тех, для кого всякий такой труд действительно осуществлялся купленными телами. Античное рабовладельческое общество было еще сравнительно молодым. Идеологи рабовладельческого способа производства все еще не могли говорить от имени всех категорий рабовладельцев

¹ Ср. *οἰκέται* — кожевников в Aesch., I, 97 и *οἰκέται* — медников в Plato¹ Leg. 846e — 847a. Последнее место любопытно тем, что здесь своим законодательством Платон предлагает воспрепятствовать, очевидно, заметно усилившейся в то время тенденции владельцев рабских мастерских к увеличению прибыли (*πρὸς οὐδὸς*) посредством эксплуатации рабов разных ремесел (ср. упомянутые выше хозяйства Демосфена-отца и Конона).

² Такой вспомогательной силы не мог приобрести калека из речи Лисия (XXIV, 6), если только действительно в этом месте говорится о рабе-помощнике, а не сыне-наследнике, как можно предположить из предыдущего предложения и из употребления слова *διαδεξιόμενον*. Ср. Xen., Mem., II 333: «те, которые могут, покупают рабов, чтобы иметь помощников на работе (*συνεργούς*)». Но это еще не значит, что те, которые не могли покупать их, не владели ни одним рабом-слугой, как доказывает У. Л. Уэстерманн (ук. место).

³ Таковы, напр., истец у Lys., I, который провел свои дни на полях; валяльщик Панклеон, ответчик в Lys., XXIII, который объявляет себя «плательцем», т. е. потомком тех плательцев, которым были даны права афинского гражданства во время Пелопоннесской войны (см. Dem., LIX, 104). Тот факт, что Панклеона обвиняют в том, что он беглый раб, в данном контексте нас не касается.

⁴ LIX, 50: ... *ὡς τὸν Φράστορα, ἀνδρα ἐργάτην καὶ ἀκριβῶς τὸν βίον συνειδεγμένον κατ...* Ср. Aristoph., Plut., 533.

⁵ См. XXXVI, 39 сл.; 45; 52; 58. Ср. Никобула, «любезного» ростовщика (XXXVII), который «заработал свою небольшую долю» рискованной морской торговлей и очень тщательно отмежевывается от ростовщиков, которые думают только о прибыли и которых «вы, естественно, ненавидите» (§ 53; 54).

Они все еще должны были считаться, не только теоретически — с существованием мелкого свободного ремесленника и землевладельца — *αἰτοῦργός*, но, в таком демократическом полисе, каковым были Афины, также и практически — с политической властью, которой это трудовое гражданство было наделено в дикастерии и экклесии. Сократ Ксенофонта мог считать тело кузнеца испорченным, а его душу не пригодной для гражданских обязанностей (Оес., IV, 2—3; ср. VI, 6 сл.; X, 10); Сократ Платона мог считать, что ремесленники должны быть рабами — «для блага их души» (Resp. 590 c—d; ср. 495 c—e; Amat. 137b). Для Аристотеля различие между рабом и ремесленником могло сводиться к одной лишь степени наделенности последнего рабскими свойствами (Pol., I, 13, 13, 1260 a; ср. I, 11, 6, 1258 b). Но Аристотель все же проводит между ними различие, он признает притязания ремесленников на полные права гражданства в демократическом государстве¹, а Сократ Ксенофонта считал необходимым научить *οἱ πολλοὶ καὶ ἄσφατοι* обращаться с «толпой» ремесленников, земледельцев и торговцев, которые заполняли экклесию (Мет., III, 7, 6).

Возвращаясь к нашему силлогизму, мы должны, однако, сделать вывод, что в Афинах середины IV в. малоимущие граждане типа Эвксития принимали его основную логику, включая в свой обыденный язык выражение «рабские занятия» в обозначении физического труда, хотя еще и не всех его видов. Тем самым они стали прибегать к чисто рабовладельческому отношению к труду, сами будучи вынужденными то и дело прибегать к последнему. По мере того, как производительный труд становился делом купленных «тел», т. е. «дулическим делом», подрывалась экономическая основа афинской демократии. Солоновская традиция уважения к труду все еще держалась в дикастерии, где царствовал демос — «Ваше Множество», как торжественно называли его ораторы. Но по существу афинская демократия все больше и больше превращалась в пустой звук.

Э. Л. Казакевич

¹ Pol., VI, 1, 8, 1317a. Зато в идеальном государстве, наряду с земледельцами и мелкими торговцами, он лишил бы ремесленников прав гражданства — см. Pol., VII, 9, 3—4, 1328—1329a; ср. III, 5, 3, 1278 a. По вопросу об отношении рабовладельцев к физическому труду в классический период см. R. Mondolfo, *The Greek Attitude to Manual Labour, «Past and Present»*, 1954, № 6, ноябрь, стр. 1—5.